

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ В ГОРОДА СИБИРИ

Дмитрий Тимошкин

*Дмитрий Тимошкин, факультет социологии и антропологии, Университет Таммасат, Таиланд; кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях, Сибирский федеральный университет, Россия.
DOTimoshkin@sfu-kras.ru.*

В статье рассматривается насилие, с которым сталкиваются трансграничные мигранты в Сибири, анализируется его влияние на интеграцию приезжих и выходцев из мигрантской среды. Исследование построено на интервью, проведенных в 2019–2024 годах в Иркутске, Красноярске и Томске с приезжими из Закавказья и Центральной Азии. Выдвигаются гипотезы, описывающие, как разные формы насилия влияют на качество жизни мигрантов. Выделено три контекста, в которых тема насилия возникает чаще: в кругу семьи, на работе и в школе. Респонденты говорили преимущественно о насилии символическом, так что основное внимание в статье уделяется ему. Насилие во всех трех случаях может быть вызвано распространенным и в мигрантской, и в местной группах представлением о недопустимости смешения их атрибутов (язык, внешний вид, поведение). Оба сообщества рассматривали такое смешение как нарушение естественного порядка вещей. Насилие – чаще символическое, реже физическое – сопровождало интервенции, нацеленные на то, чтобы заставить объект либо отказаться от атрибутов чужой группы, либо устранить его. Наиболее уязвимыми оказываются представители второго поколения: они подвергаются интервенциям одновременно с двух сторон. Это особенно актуально для женщин, нередко занимающих более низкое, по сравнению с мужчинами, положение в иерархии выходцев из мигрантской среды. Насилие представляется фактором, препятствующим интеграции мигрантов в России, хотя в некоторых случаях его влияние неоднозначно. Насилие внутри мигрантской группы может выталкивать представителей второго поколения за ее пределы, заставляя теснее взаимодействовать с принимающим сообществом, в котором они могут видеть альтернативу существующим в собственном сообществе иерархиям. При этом такое насилие может значительно повышать издержки усвоения поведенческих норм и иных атрибутов принимающей группы. Насилие со стороны принимающего сообщества может сформировать субъективное ощущение чуждости, которое, в свою очередь, может привести к решению покинуть страну.

Ключевые слова: интеграция; трансграничные мигранты; выходцы из мигрантской среды; символическое насилие; сибирские города; Россия

Высокий уровень насилия – частый спутник миграционных процессов (Faret 2020; Menjívar and Abrego 2022; Tan and Kushminder 2022). Положение многих мигрантов можно охарактеризовать как маргинальное, пограничное: «Для маргинальности в элементарной ее форме хватает того, чтобы человек оказался между разными “мирами”, достаточно отличными друг от друга, чтобы это делало проблематичным его размещение в мире-вообще» (Николаев 2010). Такое положение существенно увеличивает вероятность столкнуться с насилием (Kretsedemas et al. 2013). Причем не только со стороны принимающего общества (Flam and Beauzamy 2011), но и внутри собственной, мигрантской, группы. Часто, не зная языка, испытывая дефицит социального и финансового капитала, мигрант в большей степени зависит от земляческих или родственных горизонтальных сетей, что увеличивает вероятность стать жертвой насилия со стороны своего сообщества (Кузьмин 2021). Исследования показывают, что опыт пережитого символического насилия и насилия других форм может серьезно повлиять на физическое и моральное самочувствие мигрантов, а также на то, как будут выстраиваться их отношения с принимающим обществом (Brabant et al. 2015; Hourani et al. 2022).

В самом широком смысле насилие можно охарактеризовать как причину различий между тем, чем индивид или группа обладает, и тем, чем они могли бы обладать: «Насилие определяется здесь как причина разрыва между потенциальным и действительным, между тем, что могло бы быть, и тем, что есть. Насилием является то, что увеличивает дистанцию между потенциальным и действительным, а также то, что препятствует сокращению этой дистанции» (Galtung 1969:168). Насилие может принимать как физические, так и символические формы (Рикер 1996:20).

Физическое насилие является более видимой и, как правило, осуждаемой обществом формой. Символическая форма менее заметна, она выражается в навязывании объектам насилия системы понятий, оправдывающих их низкое положение в иерархии групп, и связанных с этим лишениях (Häkli 2015). «Символическое насилие ... есть насилие, осуществляемое ... в формах, в оформлении. Придать формы – значит дать действию или речи форму, признаваемую как подходящая, легитимная, одобряемая, то есть такую форму, когда можно производить публично, перед лицом всех, волю и практику, которые, будучи представлены в другом виде, были бы неприемлемы» (Бурдьё [1984] 1994:131).

Термин «символическое насилие» используется здесь для описания слов, поведения, жестов, способствующих воспроизводству неравенства между объектами и субъектами насилия (Montesanti and Thurston 2015). Символическое насилие можно назвать одним из воплощений насилия структурного, под которым подразумеваются институционализированные представления о допустимом и недопустимом. Согласно этим представлениям, определенные группы (в нашем случае – мигранты) должны жить хуже и страдать больше, чем другие (Galtung 1969).

Символическое насилие проявляется в особых риторических конструкциях, умалчиваниях, невербальных символах. Типичными его проявлениями являются использование уничижительных терминов (Lippi-Green 2012) по отношению к видимым или предполагаемым различиям, отделяющим группу, являющуюся объек-

том насилия, от группы – субъекта насилия (акцент, стиль одежды, привычки); приписывание всей группе-объекту набора негативных качеств (например, лень, нечистоплотность, склонность к противоправному поведению) (Fiske 1993); культурное давление, навязывание необходимости отказываться от «неправильной» культуры в пользу культуры группы-субъекта.

В принимающем сообществе мигрант может обладать дурной репутацией (Dyson 2007; Kretsedemas et al. 2013). Нередко это становится причиной для формирования представлений, согласно которым местная и мигрантская группы противопоставлены друг другу. Мигрантов при этом могут помещать на нижние ступени «иерархии культур», делая вывод о невозможности сосуществования с ними (Taguieff 1990). Собственно, идея об иерархии культур ведет к последствиям, к которым прежде вели представления об иерархии рас (Малахов 2000, 2007). Прежде всего – к сегрегации приезжих (Шнирельман 2008), воплощающей «естественное» разделение «нашей» и «чужой» культур (Дятлов 2008; Мукомель 2013). Символическое насилие можно одновременно рассматривать как инструмент и как оправдание воображаемых границ, отделяющих носителей «высшей» культуры от «низшей» (Wimmer 2013).

Цель статьи заключается в том, чтобы определить, как символическое насилие влияет на интеграцию выходцев из стран Центральной Азии и Закавказья в городские общества Иркутска, Красноярска и Томска.

Интеграцию в данном случае мы рассматриваем как переход человека из символической категории «мигрант» в категорию «местный» (Варшавер 2023). Критерием такого перехода может считаться включение приезжего в ключевые институты принимающего сообщества (Heskmann 2005) и, как следствие, сокращение разрыва в доступе к ресурсам, регламентируемым этими институтами. Выделяя культурное, структурное, социальное и идентификационное измерение этого процесса (Esser 2004; Heskmann 2005), в рамках этой статьи мы рассмотрим главным образом культурное и структурное (Варшавер и Рочева 2016; Мукомель 2017). Структурная интеграция (правовой статус и доступ к ключевым институтам, включая рынок труда) и культурная интеграция (в частности, языковая компетентность) рассматриваются здесь как базовые условия возможности социальной и идентификационной интеграции. Социальная интеграция понимается как включенность в устойчивые социальные отношения и повседневные взаимодействия с принимающим обществом, а идентификационная – как формирование субъективного чувства принадлежности к нему. Представляется, что без знания поведенческих репертуаров принимающего сообщества, знания языка, без включенности в ключевые институты, устойчивого заработка формирование субъективного чувства сопричастности к принимающему сообществу и включение в его социальную структуру будет весьма затруднено.

Структурный аспект интеграции предполагает приобретение доступа к локальной экономике и рынку труда, системе образования, жилью, системе социального страхования в принимающей стране (Heskmann 2005:15). Культурный, в свою очередь, предполагает изучение местного языка, ценностей, ролевых моделей (24). Признаком принадлежности к принимающему или мигрантскому сообществу

может быть в том числе уровень доступа к жилью и рынку труда. Принимающее общество выстраивает алгоритмы, регламентирующие как доступ к ним, так и требования к соискателям. Мигранту и местному при прочих равных придется пройти разный путь, чтобы «заккрыть» базовые потребности: у мигранта он будет сложнее, так как барьеры, которые ему придется преодолевать, выше.

В этом контексте интеграция может означать сокращение неравенства между приезжим и местным в доступе к существующим в принимающем обществе механизмам перераспределения денег, информации, безопасности. Чем более «местным» становится мигрант, тем проще ему будет зарабатывать деньги, тем комфортнее и безопаснее будет окружающая его среда. Следуя определению Йохана Галтунга (Galtung 1969), насилие в данном контексте можно определить, как любые действия (и институтов общества, и его индивидуальных членов), направленные против приезжего и отдаляющие его от денег, безопасности, работы и других критически необходимых для комфортной жизни ресурсов. Они могут принимать форму прямого физического принуждения, словесную форму (оправдания униженного и подчиненного положения приезжего). Они могут исходить как от принимающего сообщества, так и от его собственных родственников и земляков.

Таким образом, меня интересовало то, с какими формами насилия сталкиваются приезжие и как они влияют на культурный и структурный аспекты интеграции, увеличивая или сокращая дистанцию между приезжим и ключевыми ресурсами.

СБОР И АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Насилие (особенно в символической форме), с которым могут сталкиваться мигранты и выходцы из мигрантской среды, трудно понять и описать «объективно», в отрыве от опыта переживания конкретным человеком конкретной ситуации (Hily and Poirot 2020), что актуализирует применение качественных методов. Следуя рекомендациям для построения исследования трудно формализуемых практик с помощью качественных методов (Bryman 2004), я опирался на 28 полуструктуризованных индивидуальных интервью и результаты обсуждения в трех фокус-группах (от пяти до восьми респондентов), проведенных в Иркутске, Красноярске и Томске в период с 2019 по 2024 годы.

Специфика исследования – в опоре на вторичные материалы. Использованные в работе интервью с прибывшими из ключевых для России стран-доноров приезжими были взяты мной в ходе работы в групповых проектах, темы которых с насилием связаны не были. Первый проект проводился Иркутским государственным университетом (ИГУ), Сибирским федеральным университетом (СФУ) и Томским государственным университетом (ТГУ) при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в 2022–2025 годах и был нацелен на сопоставление опыта интеграции внутренних и трансграничных мигрантов в городах Сибири. Главным источником данных также стали полуструктурированные интервью с мигрантами. В гайды входили вопросы о том, как приезжие, прибывая в сибирские города, накапливают социальный и экономический капитал, какие инструменты они при этом используют и с какими препятствиями сталкиваются.

Второй проект проводился Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2022 году и был ориентирован на изучение проблем и перспектив интеграции мигрантов второго поколения в России. В рамках проекта я провел три фокус-группы с представителями второго поколения мигрантов и 10 индивидуальных интервью с мигрантами в Красноярске. Фокус-группы длились около 2 часов, гайд включал вопросы, связанные с обучением в школе, поиском работы, взаимодействием с родителями и друзьями, использованием городской инфраструктуры. Вопросы, формирующие условия для артикуляции опыта переживания насилия респондентами, входили в тематические блоки, связанные со школой, семьей и планами на будущее. Индивидуальные интервью включали вопросы об опыте мигрантов, связанном с жизнью и работой в России, использованием ими социальной инфраструктуры и их социальной активностью.

Третий проект проводился ИГУ, ТГУ и НИУ ВШЭ при поддержке РНФ в 2018–2020 годах. Он был ориентирован на изучение создаваемой и используемой трансграничными мигрантами городской инфраструктуры в Сибири. В частности, опираясь на полуструктурированные интервью с занятыми в этих сферах мигрантами, мы изучали вещевые рынки под открытым небом, «мигрантский» фудкорт. Нас интересовало то, как люди, прибывающие из стран СНГ в Томск и Иркутск, создают, редактируют и используют городские пространства, как это сказывается на конфигурациях локальных горизонтальных сетей, инфраструктуре, и то, как в рамках этих пространств складывается взаимодействие с принимающим сообществом.

В общей сложности в моем распоряжении было более 80 проведенных мной в рамках этих проектов интервью продолжительностью от 15 минут до 2 часов каждое. Два интервью из использованных в исследовании были взяты совместно с коллегами из НИУ ВШЭ и ИГУ. Из этих 80 интервью я отбирал те, что содержали упоминания о насилии и связанных с ним темах. Респондентами в 28 отобранных интервью были трансграничные мигранты, представители как первого, так и второго поколения, живущие, работающие и учащиеся в Иркутске, Красноярске и Томске. Далее при характеристике респондентов проекты будут отмечены как «Проект 1», «Проект 2» и «Проект 3».

Отобранные для исследования интервью отражали весьма разный жизненный опыт. Респондентами были мужчины и женщины в возрасте от 16 до 60 лет – студенты, работники, занятые в торговле и сфере обслуживания, предприниматели, строители. Все мои собеседники, как уже указано ранее, были выходцами из основных для Российской Федерации стран-доноров: Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Армении и Азербайджана. Возраст большинства респондентов – менее 40 лет. Многие находились в России годами, некоторые переехали еще в детстве. Как минимум пятеро респондентов, с которыми были проведены индивидуальные интервью, принадлежали ко второму поколению.

Часть респондентов получили образование еще в советских высших и средних учебных заведениях в странах исхода. Другие на момент участия в исследовании учились в российских школах или вузах или уже окончили их. Одни прибыли в страну в зрелом возрасте, другие прошли первичную социализацию уже находясь в Рос-

сии. Часть работают по полученной в российском университете специальности (например, инженерами, IT-специалистами, врачами), другие же, находясь в России, занимаются строительством, работают на рынках. Разнообразие социальных характеристик респондентов рассматривалось скорее как преимущество, поскольку позволяло сформировать разнообразную «выборку критических случаев» (Штейнберг и др. 2009:75). Пожалуй, общей чертой, объединяющей большинство респондентов, стало то, что они находятся в России довольно давно.

Вторичный анализ, предполагающий «решение новых задач на базе старых (вторичных) данных» (Стрельникова 2010:36), кажется уместным, когда исследовательский вопрос касается сенситивных тем, таких как опыт насилия. При исследовании подобных тем возникают проблемы с поиском участников, нежеланием раскрывать чувствительные подробности исследователю (Tate and Harrp 2018). Вторичный анализ позволяет задавать новые вопросы, исходя из данных, собранных ранее от интересующих уязвимых групп, что позволяет снизить нагрузку на респондентов, раскрывая латентные темы (Heaton 2004; Ruggiano and Perry 2019). Это снижает риск эффекта социальной желательности и исключает возможность того, что внимание респондентов будет направлено на «ожидаемые» ответы. Анализ вторичных данных увеличивает вероятность выявления закономерностей, не связанных с влиянием изначальных методологических установок интервьюера (Hammersley 2010).

Я осознавал и потенциальные недостатки, связанные с вторичным анализом данных. Так, на качество материала могли повлиять отличия в гайдах, использованных в разных проектах. Во втором проекте в гайде фокус-групп вопросы, подводящие к теме насилия, присутствовали в двух тематических блоках: об опыте обучения в российской школе (вопросы: «Были ли проблемы с одноклассниками?»; «По вашему мнению, из-за чего они возникали?»; «Влияла ли ваша национальность на отношение к вам со стороны одноклассников?»; «Если да, то в каких формах это выражалось: что конкретно говорили? В чем “обвиняли”?») и о планах на будущее (вопросы: «Считаете ли вы, что в России есть проблемы расизма и ксенофобии? Как можно повлиять на улучшение ситуации?»).

Тема насилия занимала довольно много времени в обсуждениях всех трех фокус-групп второго проекта. Как правило, ответы респондентов содержали развернутые описания причин и последствий опыта пережитого символического и физического насилия. Гайд содержал вопросы, подводящие к соответствующей теме, поэтому можно предположить, что мои собеседники уделили меньше внимания неочевидным случаям или же случаям, находящимся за рамками перечисленных в гайде тем.

В личных интервью респонденты также касались темы насилия, но исключительно по собственной инициативе, ограничиваясь более краткими и сухими комментариями. Вероятно, и здесь респонденты были ограничены, хотя и в меньшей степени, тематическими рамками гайда. Скорее всего, мы узнали лишь о незначительной части соответствующего опыта респондентов, можно предположить, что они сталкиваются с насилием намного чаще – в семье, публичных местах, государственных учреждениях. Тематика гайдов снижала шансы на то, что респонденты

упомянут о неочевидных случаях символического насилия или об интернализированных практиках. В то же время отсутствие соответствующего фокуса позволяло надеяться, что люди упоминали о насилии именно тогда, когда сами считали это важным, не будучи ограничены навязанными интервьюером смысловыми категориями. Так или иначе, привлечение этого массива данных позволило расширить представления о ситуациях и формах насилия, поэтому выбор представляется оправданным.

Статья разделена на три части – по типам ситуаций, в которых респонденты сталкивались с насилием: семья, школа, работа. Эти сферы также считаются особенно показательными для исследований символического насилия (Menjívar and Abrego 2022).

«НЕ ДАЙ БОГ УЗНАЮТ, ЧТО Я ВСТРЕЧАЮСЬ С РУССКИМ...»: НАСИЛИЕ В МИГРАНТСКИХ СЕМЬЯХ

Рассуждая о насилии, большинство респондентов упоминали представителей принимающего общества как основных его субъектов. Однако некоторые сталкивались с насилием внутри собственного ближнего круга – среди родителей, родственников, других земляков. Представляется, что одним из главных мотивов при этом было устранение атрибутов принимающего общества, усваиваемых респондентами-мигрантами в ходе интеграции. Рассматривая тот или иной атрибут (например, «чрезмерное» использование русского языка, отличные от принятого в своем сообществе сексуальное поведение, внешний вид, практики ухода за собой, например использование декоративной косметики женщинами и т. п.) как признак принадлежности к чужакам, представители мигрантского сообщества пытались заставить жертву отказаться от них, так как считали обладание такими признаками чем-то «грязным», нарушающим «должный» порядок вещей (Дуглас [1966] 2000).

Инициаторами насилия выступали люди, претендовавшие на верхние позиции в иерархии мигрантских сообществ: мужчины, родители, старшие родственники. Такие «интервенции нормальности» – действия, в ходе которых субъекты насилия стремились заставить объекты избавиться от атрибутов «чужака», – могли выражаться в запретах детям говорить по-русски вне школы, наказаниях за «слишком русский» стиль одежды, образ мышления. При этом насилие могло выходить за рамки символического и приобретать физические формы, например, когда «обрусевших» детей – представителей второго поколения – увозили в страну исхода, чтобы «привить правильную культуру»:

Мужчина А, около 25 лет, Красноярск, проект 2: У нас [в семьях] развивают русофобию с детства, я не знаю почему. Но какое-то жесткое нежелание им [русским] поклоняться. У меня дядя собирался жениться в 33 [года], и за ним следили, за нацией женщины. 33 [года] человеку. Я в 14, 15 [лет] тоже, меня спрашивали часто: «А что, за русскую женщину выйдешь?» Они видят, как ребенок становится русским, и им противно это. Противно, что они приехали в страну гостевую, а ребенок становится гражданином. Почему? Не одобряют. Отправят на родину, нормальным будешь. Тебе, наверное, тоже говорили?

Мужчина Б, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Меня отправляли (*смех*).

Мужчина А, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Мне постоянно с детства говорили: «Мы тебя отправим на родину, будешь нормальным. Надоело, как русский ходишь, как русский говоришь». Мать ловил за такими моментами, что сестренка хотела как-то себя приукрасить во внешности, и мать говорила, что не надо повторять за русскими.

Одновременно субъектом насилия могло выступать принимающее общество, маркируя иные культурные и антропометрические признаки мигранта как атрибуты чуждости. В качестве таковых могли выступать акцент, манера общения, стиль одежды, цвет кожи, форма носа, разрез глаз. Насилие принимающей группы побуждало респондентов совершать действия, которые, в свою очередь, могли провоцировать символическое насилие со стороны членов собственной семьи:

Женщина, около 23 лет, Красноярск, проект 2: Была излишняя волосатость. В Азербайджане это нормой считается. Восток, типа, все дела. Но вот в России это что-то такое из разряда «ты – обезьяна». Или первобытный. И когда я пыталась об этом сказать маме... она говорила: «Нет, у нас свои традиции, ты маленькая, тебе нельзя ничего выщипывать». И был диссонанс, что, типа, и дома запрещают, и в школе ругают. Это сильно давило. И я стала ненавидеть свою внешность.

Насилие внутри семей также могло быть спровоцировано отношениями мигранта с представителем принимающего общества. Особенно часто и эмоционально об этом говорили женщины, которых за отношения с чужаками наказывали куда строже, чем мужчин в аналогичных ситуациях. Причем в отдельных случаях под «отношениями» подразумевался абсолютно любой контакт с представителем противоположного пола, принадлежащего к «неправильной» группе.

Об усилиях родственных и земляческих групп, направленных на то, чтобы не допускать подобных ситуаций, упоминали и мужчины, и женщины. Судя по сказанному респондентами, женщины сталкиваются с более серьезным давлением, так что сопротивление может стоить им дороже. Представительницы второго поколения в большей степени склонны сопротивляться этим нормам, в то время как их матери, даже если они в беседах с глазу на глаз поддерживают дочерей, не пытаются им помочь действием. В целом можно сказать, что «интервенции нормальности» принимают куда более мягкие формы, будучи направлены против мужчин. Женщины в принципе упоминают о них чаще, чем мужчины:

Интервьюер: Если вы девушку приведете, русскую?

Мужчина, около 30 лет, Красноярск, проект 2: Этот момент мы в жизни прошли, когда я с девушкой гулял. Потом родители узнали. Отцу плевать в принципе, это мама как-то странно реагировала, не понимала, стала с отцом говорить – ты смотри, что он делает, ты этого хочешь? Они рано или поздно согласятся с моим выбором. Со временем, конечно. Мне удалось доказать маме, что я возьму ту, с которой и мне будет приятно, и ей будет приятно, неважно, кем она будет – француженка, немка или русская. А не так, что они там кого-то выберут.

Женщина, около 18 лет, Томск, проект 3: Метисов очень много [речь об окружении информанта].

Интервьюер: Мама – русская, папа?..

Женщина, около 18 лет, Томск, проект 3: Да-да. Их очень много. Все перемешалось, поэтому им уже легче.

Интервьюер: А наоборот бывает, когда муж – русский, а женщина – из Киргизии?

Женщина, около 18 лет, Томск, проект 3: Это очень редко. У нас, получается, говорят, если замуж выйти не за мусульманина, это означает, что семь поколений твоих девочек сгорят в аду.

Интервьюер: А ваши родители не против, если бы вы начали встречаться с русским?

Женщина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Очень против. Это был скандал. [...] Это казалось волшебным, интересным, отличающимся от других. А потом это стало так, что ты ходишь, и у тебя на каждом шагу люди нашей национальности, нерусские люди, которые в принципе... У нас есть такое: рассказать родственникам, родственники – родственникам... Ты боишься просто того, что ты любишь. Ты любишь запретного человека, а после этого – что тебе делать? [...] И, конечно, папа узнал, конечно – от соседа. Причем узнал так приукрашенно... Папа меня не трогал, не бил, но у него такое разочарование в глазах. [...]

Мы все сидели дома. Меня даже на работу не могли отправить. [Отец] спрашивал, буду ли я замуж за него [русского] вот прямо сейчас, либо [меня не будут] отпускать на учебу.

Судя по всему, направленные против женщин «интервенции нормальности» могут в большей степени затрагивать тело. Мужчины-мигранты, встречавшиеся с местными женщинами, не упоминали о том, что их семьи применяли к ним физическое воздействие. Максимум – осуждение. Женщины же говорили об ограничении перемещения, экономическом принуждении. Некоторые их высказывания, как, например, процитированное выше, можно интерпретировать как указание на возможность телесных наказаний за такие «проступки». Мужчины рассказывали, что в некоторых мигрантских семьях физическое насилие в отношении женщин может являться нормой:

Мужчина Б, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Муж – и избивает жену, это нормально, обращается как к вещи. Там аборт происходит из-за того, что он сильно избил жену, чуть ли не до смерти избивает жену. Я с этим сталкивался, я видел, как это происходило, Кыргызстан от других стран СНГ не отличается. Единственное то, что мне жалко, – то, что люди не могут прожить свою жизнь, которую они хотят. Женщин[ы] красивые, там девушки появляются, но им приходится терпеть избиение, насилие, бедноту, в каком-то дачном маленьком, в доме, не дай Бог, ее завтра еще убьют. Это нормально для таких стран. Все будут говорить: нет, там, типа, не позорь нашу нацию мне. Камон, какая нация?

Интервенции могут выходить за пределы одной семьи, охватывая более широкие группы земляков. Даже если в семье родители не столь неприязненно относятся к возможным отношениям своих детей с представителями других национальностей, молодые люди и девушки могут подвернуться давлению со стороны других семей. Соседи могут «наказать» нарушителей, игнорируя их при встречах, используя обидную лексику, представляющую их действия в негативном ключе.

Иногда за «чистотой» молодежи следят не только родственники, но и другие земляки. В случае если человека застанут за действием, интерпретируемым в мигрантском сообществе как «грязь», земляки могут донести об этом его семье. За этим, весьма вероятно, последует интервенция. Парадоксально, но агрессивная реакция на поведение или черты внешности, считаваемые как атрибуты чужака, в некоторых случаях стимулирует культурную интеграцию в принимающее общество, выталкивая молодых людей из земляческих групп:

Интервьюер: Скажите, а вы больше заводите дружеские отношения здесь с русскими, с таджиками? Или вы общаетесь вообще со всеми подряд?

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Кстати, вот с таджикской диаспорой почему-то не хочу иметь дело. Я не знаю, почему, но мне не хочется с ними общаться, то ли я уже реально не могу их понять, потому что у нас разные культурные коды. Я – полностью русский, они – полностью таджики. Я к ним общаюсь уже как какой-нибудь среднестатистический россиянин. Типа понаехали. Вот, то есть у меня, конечно, есть пара таджиков, но я, наверное, выбираю по такому определению, что они тоже вот обрусевшие. И у меня с ними есть это, какие-то точки соприкосновения. А вот с такими таджиками, которые полностью выросли в Таджикистане и просто тут учатся, например, я не могу... То есть я с такими вообще общий язык не смогу найти. Потому что какая-нибудь тема религии или чего-либо зайдет – я парочку вопросов задам и все: они сразу уйдут в агрессию и ярость.

Служка за «чистотой» второго поколения и насильственные интервенции в случае усвоения культурных атрибутов принимающего сообщества влияли на выбор некоторыми респондентами городских пространств. Воспринимая любого человека, идентифицированного как «мигрант», в качестве потенциального субъекта насилия, они старались посещать места, в которых вероятность подобных встреч была минимальна. Например, одна из моих собеседниц выбирала для прогулок со своим молодым человеком центральные районы города, поскольку, по ее словам, здесь меньше вероятность встретить кого-то из «своих».

В ряде случаев интервенции могут влиять на перспективы получения доступа представителя мигрантского сообщества к социальному или финансовому капиталу. Так, женщинам могут запрещать подрабатывать во время учебы. Старшие мужчины в семье могут ограничивать женщин в выборе сферы занятости, которую первые считают «грязной», таков, например, запрет на работу официантками. Мужчины также могут подвергаться давлению, однако, судя по всему, это происходит гораздо реже:

Женщина А, около 20 лет, Красноярск, проект 2: Меня папа ругает за то, что я хочу денег зарабатывать.

Женщина Б, около 20 лет, Красноярск, проект 2: Меня тоже. Я как-то летом хотела идти на подработку, и мне папа сказал: «Сиди, учись, надо денег – я тебе дам».

Интервьюер: А работать – нет, потому что вы учитесь или потому что вы женщина?

Женщина Б, около 20 лет, Красноярск, проект 2: Наверное, потому что женщина, такое табу. [...] У меня два брата, к парням отец относится с 14 лет: иди работай. А к сестре всегда так же, чтобы она не работала.

Женщина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Он [отец] конкретно в таком воспитании, где девушка должна сидеть дома, и я воспринимаю это как манипуляци[ю] тем, что ты от меня зависишь, ты будешь сидеть дома, потому что ты никак не пойдешь на работу. Потому что, если у женщины будут свои деньги, у нее будет своя голова на плечах, свои личные решения, которые она сможет принимать.

Насилие с целью оградить «своих» от культурных атрибутов чужака в некоторых мигрантских группах считается вполне допустимым способом сохранить или восстановить «нормальность». Ее частью является власть старших над младшими, мужчин над женщинами. Вероятно, усвоение некоторых культурных атрибутов принимающего общества воспринимается как угроза этой власти, потому вызывает довольно острую реакцию. Дискурсивной основой таких представлений может являться идея об иерархии культур, в которой культура принимающей группы находится на нижних позициях по сравнению с культурой мигрантского сообщества. По этой причине смешение групповых атрибутов воспринимается как нечто неестественное и недопустимое.

Можно заключить, что мои собеседники, особенно принадлежащие ко второму поколению женщины, регулярно сталкиваются с символическим насилием в семьях. Оно становится способом не допустить смешения атрибутов разных групп. По материалам интервью мигрантов можно выделить в качестве атрибутов чужака «западный» стиль одежды, иные цвет кожи, сексуальное поведение, язык, экономическое поведение. Соответственно атрибутами «нормы» могли быть патриархальная семья, подчинение старших младшим, женщин – мужчинам (в том числе через контроль их экономической активности), недопустимость отношений между «своими» женщинами и представителями «чужих» национальностей. Аналогичные представления о межнациональной близости между «нашей» женщиной и «их» мужчиной как «грязи», угрожающей всей группе, можно встретить и в принимающем сообществе (Тимошкин 2023).

Некоторые перечисленные здесь практики можно отнести к экстремальным случаям. Респонденты сталкивались с насилием разной степени интенсивности, в разных формах. Некоторые росли в семьях, где обладание культурными атрибутами принимающего сообщества и вовсе не считалось чем-то опасным или недопустимым. Некоторые сталкивались с прямым физическим принуждением. Однако с символическим насилием в той или иной степени сталкивались многие.

«ДУШИЛИ И НАЗЫВАЛИ ЧУРКОЙ...»: МИГРАНТЫ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ И НАСИЛИЕ В ШКОЛАХ

О физическом насилии респонденты нередко упоминали, рассказывая об опыте обучения в российских школах. Здесь подростки подвергались насилию в силу видимых отличий. Их опыт можно рассматривать как часть обширного феномена травли в российских школах. Жертвами ее могут быть не только дети-мигранты, но и другие категории детей, имеющих видимые отличия: дети с особыми образовательными потребностями, дети из бедных семей (Реан и Новикова 2019). Случаи насилия, с которыми респонденты сталкивались в школах, также можно рассматривать как «интервенции нормальности», которые представители принимающего сообщества предпринимали в отношении мигрантов. Насилие базировалось на представлении о символической границе, разделяющей стоящие на нижних ступенях иерархии культуры «мигрантов» и более «высокие» культуры «местных».

Интенсивность и форма насилия могли зависеть от таких факторов, как уровень владения языком у ученика из мигрантской семьи, готовность учителей и родителей пресекать насилие, локальные культурные нормы. Так, одна из моих респонденток упоминала, что столкнулась в школе с позитивной дискриминацией: ее «нерусская» фамилия вызывала интерес и любопытство – с ней хотели дружить больше, чем с другими детьми в классе. Другие по тем же причинам сталкивались с дискриминацией негативной.

Причиной насилия в школах также становились видимые отличия – акцент, одежда, поведение, цвет кожи, воспринимавшиеся принимающей группой как атрибуты мигрантской группы. Так, один из респондентов, 25-летний мужчина, чья семья приехала в Красноярск из Армении, когда он был ребенком, рассказывал, что одному из учителей не понравилась его «нерусская» фамилия:

Мужчина, около 30 лет, Красноярск, проект 2: Больше всего тоже дискомфорт был, когда со стороны учителей такое происходило. Были несколько учителей, которые не только меня задевали, но и других людей, которые у нас по другой национальности учились в школе. Задевали за это. То есть прямо в лицо говорили, типа понаехали, то есть ну это стандартно. И вот это больше всего задевало, то, что сам преподаватель, который должен обучать людей, детей выпускать в социум, в общество, сам, наоборот, вот так, вот такой идеологии.

По словам моего собеседника, учитель пытался добиться его исключения из класса, аргументируя это «неспособностью нерусских к обучению». Похожие истории рассказывают респонденты, учившиеся в Иркутской области. Вероятно, в некоторых случаях символическое насилие со стороны принимающего сообщества могло способствовать более интенсивной интеграции, по крайней мере, на отдельных этапах:

Мужчина, от 25 до 30 лет, Иркутск, проект 1: Буллинг на меня не повлиял. [...] Хотя там [в школах, где учился респондент] были со стороны учителей... Как-то они сначала как-то предвзято к тебе относятся. Со временем они как-то

начинают привыкать, понимать, что ты не просто халтуришь, там делаешь домашки, контрольные, все хорошо решаешь. Со временем это все проходит, но на меня это никак не повлияло, наоборот, я начал более усердно учиться.

В экстремальных случаях принимающая группа пыталась «очистить» респондентов от «чужих» атрибутов с помощью регулярного физического насилия. При чем чем более «физическим» был ассоциируемый с категорией «мигрант» атрибут, тем более телесным становилось воздействие. В избиениях участвовали одноклассники, их действия в некоторых случаях оправдывались и даже поощрялись учителями:

Женщина, около 23 лет, Красноярск, проект 2: Я пошла в школу, когда мне было 6 лет. Я была огромной в плане роста, меня решили отправить пораньше. Русского я не знала, родители не догадались меня научить, поэтому приходилось это делать через... практику. Практика была очень травмирующей, потому что это были постоянные избиения, оскорбления. [...] Меня звали «китаёзой», а я думала, что это оскорбление (*смех*).

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: То же самое было... (*смех*).

Женщина, около 23 лет, Красноярск, проект 2: Меня называли чуркой и душили. [...] Что касалось преподавателя, мой классный никогда за меня не заступался. Потому что тоже ненавидел азербайджанцев. [...] Я запомнила фразу преподавателя, прямо цитату, раз и навсегда. «Вот кулак первый раз бьет в рожу – бьют по кулаку. Второй раз кулак бьет в рожу, второй раз тоже бьют по кулаку. Третий раз кулак бьет в рожу – может быть, дело не в кулаке, а в рожке?» (*смех*). [...] Та девочка, которая скандировала что я чурка и заставляла [меня] в это верить, я понимаю, почему она так говорила потом. [...] Ее мать лично называла меня обезьяной в ее присутствии. И все эти слова ей вливали в уши. Что нерусские люди – это зло. Что они опасные, что они тебе причиняют вред. Если драка неизбежна – бей первым.

Дистанцированность взрослых или даже их вовлеченность в ситуацию насилия на стороне агрессора усиливали насилие. Тот факт, что и одноклассники, и учителя, и родители одновременно наказывали за видимые различия, повышал вероятность того, что насилие воспринималось как нечто оправданное и естественное. Респонденты начинали сами расценивать те или иные атрибуты как делающие их «ненормальными». В результате они могли принять решение самостоятельно избавиться от них, совершая насилие сами над собой, чтобы изменить собственное тело или представления:

Женщина, около 23 лет, Красноярск, проект 2: Что касается внешней части, я сейчас, конечно, побелела, не знаю, как. Наверное... русификация та самая. Я, когда мелкая была, я была такая, ну, черномазая, можно сказать. [...] В седьмом классе я поняла, типа: о, точно, надо себе кожу осветить, ну, типа, тоналку [имеется в виду тональный крем]. [...] И вот так вот и ходила в школу в таком виде, и я думала, что так и должно быть, типа, так все делают, такие, как я, так все делают. И так и было, на самом деле, вот, одноклассница-азербайджанка. Она тоже в этой тоналке просто плавала.

Результатом этого процесса мог быть кризис идентичности, при том, что культурно и экономически люди были включены в принимающее сообщество. Респонденты, получившие образование, гражданство, отлично владевшие русским языком, не могли определиться, к какой группе им себя относить: и мигрантское, и местное сообщества отталкивали их, оба – за обладание атрибутами чужака:

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: На родине осуждали за длинные волосы, и за татуировку, и за европейский стиль одежды, а в России осуждали за восточный стиль. [...] Поэтому у меня получилось так, что был отчужден от двух культур, именно в силу внешности. [...] Самобичевание начинается с того, что ты видишь, что ты не такой, как все, что ты черный слишком, что у тебя волос слишком много. Что я черномазый. Я хочу быть таким, как они, и сам себя начинаешь гробить с детства. Кто-то может все же вылечиться, а кто-то – нет. [...] Мать может сказать типа: «Вот, эти русские, не повторяй за русскими». [...] Не повторяй за русскими, они такие и такие. И язык – это такой момент. «Ты в нашей стране, говори на нашем языке». А те говорят: «Нет, говори на своем».

Гипотетически опыт насилия и связанные с ним переживания могут повлиять на жизненные стратегии. Например, история респондентки, которую много лет избивали одноклассники в школе, позволяет предположить наличие связи между интенсивностью школьного насилия и нежеланием объекта оставаться частью принимающего сообщества в более зрелом возрасте. Субъективное эмоциональное ощущение чуждости может оказаться гораздо важнее формальных критериев успешности структурной и культурной интеграции, так как именно оно может повлиять на выбор жизненной стратегии. Рассказчица, подвергавшаяся в течение многих лет избиениям в школе, впоследствии получила хорошее образование и востребованную профессию. Тем не менее она, как и другие люди с похожим опытом, субъективно ощущает себя в России чужой. Она побывала в стране, откуда в Россию приехали ее родители и, ощутив на своем опыте разницу в том, как два общества реагируют на ее акцент, приняла решение о переезде:

Женщина, около 23 лет, Красноярск, проект 2: Я поехала в Азербайджан и до своей поездки я не была сильно привязана... к этому месту. [...] Так я туда поехала и поняла, что там мне так комфортно, что я хочу туда даже переехать на долгое количество времени, но не навсегда. То есть я не нерусская, я не сильно азербайджанская. [...] Но в Азербайджане как-то, не знаю, более родную атмосферу почувствовала. Хотя я не говорю по-азербайджански, ну, типа, говорю, но это такой ужасный акцент, из-за того, что я на русском сильно много говорю. Смеются, конечно... но это такие насмешки, когда тебя потом исправляют и говорят, что «у тебя милый акцент». Милый. Не тупой, а милый. [...] То есть мне есть с чем сравнить реакцию людей на свой акцент. [...] Я понимаю, что во втором варианте меня встречали много, меня принимали... Мне пытались помочь и пытались меня адаптировать под их культуру, под их речь, под их акцент. То есть не было такого момента, когда я себя чувствовала отчужденной. Ну, так вот. [...] Я уже в ближайшее время планирую переехать в Азербайджан.

Опыт насилия, пережитый респондентами в школах, был очень разным. Как минимум четверо респондентов (двое мужчин и две женщины) сталкивались с регулярным физическим насилием со стороны одноклассников. Как минимум трое респондентов не встречались с насилием в школах ни в каких его проявлениях. Большинство моих собеседников, имевших соответствующий опыт, сталкивались с символическим насилием, выражавшимся в оскорбительных комментариях, расистских шутках, дискриминации со стороны учителей (например в занижении оценок).

Представляется, что насилие в школах может иметь довольно противоречивое влияние на перспективы интеграции. С одной стороны, оно заставляет мигрантов усваивать ряд видимых атрибутов, указывающих на принадлежность к принимающему сообществу, чтобы защитить себя. С другой стороны, оно может порождать внутренний конфликт, который существенно усложняет самоидентификацию, поиск ответа на вопрос «Кто я?» в будущем. Усваивая атрибуты, необходимые для взаимодействия с одной группой, человек тем самым может вызвать отторжение у второй и наоборот.

«ПО ТЕЛЕВИЗОРУ СРАЗУ ВСЕХ НАЗЫВАЮТ ТЕРРОРИСТАМИ. ИЗ-ЗА ЭТОГО АГРЕССИЯ РАСТЕТ. И У ЛЮДЕЙ, И У ПОЛИЦИИ...»: НАСИЛИЕ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ

Мои собеседники были заняты в разных сферах: от торговли на открытых рынках и строительства до работы в инженерно-конструкторских бюро и занятости в политических партиях. Кто-то, приехав в Россию, устраивался на рынок, где и работает по сей день. Сначала нелегально, затем – получив гражданство и начав свое дело. Даже так называемые 3D-работы (3D jobs)¹ (Jureidini 2003:13), которые в общественном восприятии обычно низкостатусны, позволяли некоторым успешно осуществить структурную интеграцию. Другие респонденты годами перемещались из региона в регион, перебиваясь случайными полулегальными заработками. Третьи начинали карьеру в родительском бизнесе, затем, получив образование, продолжали работать уже по специальности: врачами, инженерами, преподавателями. Кто-то, начав в детстве помогать родителям на рынке в свободное от школы и университета время, теперь унаследовал это дело.

Люди, занятые на 3D-работах, сталкивались с более высоким уровнем насилия и при этом были в большей степени склонны принимать его как нечто естественное. Респонденты, занятые интеллектуальным трудом, о таком опыте практически не говорили. Например, на стройке насилие было распространено повсеместно, имело символические и физические формы, выражалось как в обычных дискриминирующих комментариях, побоях, так и в систематической дискриминации по уровню оплаты и условиям труда, безопасности. По словам респондентов, рабочий-мигрант в целом подвергается большим рискам: вероятность быть обманутым и получить серьезные травмы у него выше, чем у рабочего-местного. Дискриминация могла основываться именно на представлении об «иерархии культур»:

¹ Это сокращение расшифровывается как dirty, dangerous, and difficult, то есть грязная, опасная и трудная работа.

Мужчина, около 25 лет, Иркутск, проект 1: Я вышел на работу, строили обычное кафе. Надо было убрать. Мебель надо было ставить туда. Я подошел, там человек стоит, прораб. Он смотрит на меня и говорит: «Ты кто по нации?». Я говорю: «Я – таджик». А потом брата звал. Он переводил на русский язык, а я на своем языке говорю. Он не с ним, а со мной общается. Говорю: «Я с Таджикистана приехал». Он говорит: «Ты кто?» Я говорю: «Студент. Я учусь. Чтобы жить, надо работать. Надо помогать родителям». Он тогда мне сказал, я никогда не забуду: «Если ты не русский, я тебя не буду принимать на работу, даже если другой тебя примет. Я так сделаю, чтобы ты не мог взять деньги. Потому что я национальности не люблю». Я говорю: «Какая разница? Я же работаю. Я не в твоём доме. Я на работе». Он сказал: «Какая разница? Я тут прораб». Я не работал и ушел оттуда.

Респонденты, занятые на других 3D-работах, упоминали о схожем опыте. Те, кто работал на рынках в Иркутске, Красноярске и Томске, сталкивались с регулярным символическим насилием со стороны покупателей. Причем об этом рассказывали представители как первого, так и второго поколения. Насилие выражалось здесь преимущественно в уничижительных расистских комментариях:

Мужчина, около 25 лет, Томск, проект 3: Есть люди, например, нерусских не уважают, вот это вот, за людей не принимают.

Интервьюер: Я как понимаю, в Томске таких людей не очень много?

Мужчина, около 25 лет, Томск, проект 3: Много. Вот, например, на рынке день-два постои, потом сам увидишь: кровососов столько... Сколько нерусских, это... Нацисты есть как бы. Русские – нерусские, отмечают, как бы. Вот таких много.

Мужчина, около 30 лет, Красноярск, проект 1: Последние два года конкретный рост [расизма] пошел. Люди стали агрессивнее. Почти любой конфликт [между продавцом и покупателем] переходит на расизм.

Само пространство открытых рынков воспринималось принимающим обществом как репрезентация ассоциированной с мигрантами «чуждости». В экстремальных случаях это приводило к силовым интервенциям отдельных представителей принимающего общества, мотивом которых мог быть как банальный грабеж, так и желание «очистить» город от чужаков. Подобное прежде регулярно происходило на рынках в Иркутске:

Мужчина, около 50 лет, Иркутск, проект 3: Только в августе, день десанта [имеется в виду, видимо, День воздушно-десантных войск (ВДВ)], но мы закрывались и все нормально.

Интервьюер: Бывали случаи, что приходили ВДВ и устраивали погромы?

Мужчина, около 50 лет, Иркутск, проект 3: Да, да, да. Иногда мы вот работали, они покупку сделали, все, нормально.

Интервьюер: А вы не помните, когда рынок впервые закрылся из-за Дня ВДВ?

Мужчина, около 50 лет, Иркутск, проект 3: Каждый год было. И здесь тоже закрывается каждый год. Сейчас тоже, [2] августа никто не будет работать. Раньше мы работали вот здесь, какой-то рынок был, десантники приходили, бригадой некоторые, кому что надо, с праздником поздравить, дешевле делаешь, и они радовались. Конфликт[ов] не было.

Представление об открытом рынке как о пространственной репрезентации «чужака» разделяли и разделяют как полицейские, так и сотрудники частных охранных агентств. Так, в Иркутске местные охранники, действуя от имени организации, владевшей землей, на которой расположен рынок, занимались регулярными поборами и даже взламывали склады с товаром, принадлежащим торговцам-мигрантам. Полицейские наряду с представителями других государственных ведомств совершали регулярные рейды на рынки.

Рейды также можно рассматривать как «интервенции нормальности», проводимые низовой бюрократией. Исследование, проведенное Ксенией Григорьевой (2021), показывает, что, с одной стороны, за такими рейдами могут стоять аналогичные описанным представления об иерархии культур, рождающие стремление «очистить» городские пространства от чужаков. С другой стороны, рейды были способом получить административную и финансовую ренту в виде бюрократической отчетности, формальных и неформальных штрафов.

В данном случае видимые отличия воспринимались как признак группы, гораздо более уязвимой в правовом смысле, а значит – более склонной переносить произвол бюрократии, не оказывая сопротивления. Объектами проверок становились и российские граждане, включая мигрантов второго поколения. Результатом было либо физическое удаление «чужаков-нарушителей», либо взимание с них формализованной или неформальной ренты:

Мужчина, около 35 лет, Иркутск, проект 1: Там все были, все кормились. Милиции было выгодно. У кого нет прописка – поймаешь, в Кировский [РОВД]. Поймаешь – и 500 рублей. Китайцев было много. Миграционный здесь работал, милиция здесь работал. Рынок всех кормила. [...] Администрация кормил, вора кормил, милиция кормил. Миграционку кормил. Всем хорошо было, торговля была, всем хватало.

Интервьюер: Рейды там часто проходили полицейские?

Мужчина, около 35 лет, Иркутск, проект 1: Когда у них план не хватает, приезжает. Когда у них праздник. Завтра 8 Марта, надо подарить, деньги надо зарабатывать (смех).

Один из респондентов описывал рейд в Иркутске следующим образом. К рынку подъезжает полицейский транспорт, полицейские перекрывают входы и выходы, затем входят внутрь. С рынка бегут люди, другие пытаются спрятаться в специально подготовленных укрытиях. Полиция проверяет документы, некоторых торговцев и рабочих, вызвавших подозрения, уводят. Часть из них будет депортирована, часть – вернется к работе, заплатив штраф. Защитой от штрафов и депортации становится наличие гражданства, однако в последние годы ситуация изменилась. Целью полицейских рейдов стал также поиск мигрантов, не вставших на воинский учет после получения гражданства²:

² Антонина Маркова, «Московский комсомолец: “20 тысяч направили в зону СВО”: Бастрыкин рассказал о рейдах СК против мигрантов-уклонистов», Следственный комитет Российской Федерации, 21 мая 2025 г., <https://sledcom.ru/press/smi/item/1984513>.

Мужчина, около 30 лет, Красноярск, проект 1: «Крокус»³ сильно повлиял. Полиция стала чаще проверять. Проверяют документы, военники [военные билеты] стали часто проверять. Государство сразу всех [мигрантов] обобщает. По телевизору сразу всех называют террористами. Из-за этого агрессия растет. И у людей, и у полиции.

Постоянное давление низовой бюрократии, то ослабляющее, то усиливающееся, увеличивает издержки структурной интеграции, связанные с неизменно высоким уровнем неопределенности. Это вынуждает активных экономических агентов тратить значительные ресурсы на выплату ренты многочисленным формализованным и теневым силовым операторам. Не имея возможностей защитить свой бизнес, некоторые сворачивают его.

Одновременно эта ситуация поддерживает у части моих собеседников субъективное ощущение собственной исключенности из категории «местные». Некоторые респонденты, особенно прошедшие первичный этап социализации в СССР, окончившие советские школы и университеты, служившие в Советской армии (Малахов и Симон 2017), говорили о том, что все еще считали себя «советскими людьми», такими же, как и представители принимающего сообщества, до того, как столкнулись со структурным насилием в России. Структурное насилие затрудняет субъективную идентификацию мигрантов с принимающим сообществом. Ответом на это может быть формирование альтернативных общностей, основанных на солидарности дискриминируемой группы:

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Ты приезжаешь в другую страну, ты видишь нерусского человека, у тебя флешбэки, что вот, этот человек тоже занимался документами, у него тоже эта морока, те же проблемы как у меня – это мой друг, просто из-за внешности. А если мы из одного города – вообще сразу. У меня вот лояльность всегда поднималась, вне зависимости от национальности, меня кем только не называли: азербайджанцем, армянином, таджиком (смех), дагестанец... [...] У нас многих это щелчком работает, хочется помогать друг другу. То есть помощь стоит на этом. [...] Вместе в России живем, вместе потеем чтобы детей кормить, вместе сталкиваемся с вопросами документов – ты – мой друг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье насилие определяется как практики, увеличивающие дистанцию между тем, что человек мог бы иметь, и тем, что он имеет в действительности (Galtung 1969). Акцент в исследовании сделан на символическом насилии как навязывании объекту насилия норм и классификаций (Бурдье [1984] 1994). Цель работы

³ Имеется в виду один из крупнейших терактов в современной российской истории – нападение на концертный зал Crocus City Hall в подмосковном Красногорске, которое произошло в марте 2024 года. Нападавшие ворвались в здание и открыли огонь по находившимся там людям. 150 человек были убиты, 609 ранены. Министерство внутренних дел указывало, что нападавшие являлись иностранными гражданами.

состояла в изучении влияния разных форм насилия (прежде всего символического) на культурную и структурную интеграцию трансграничных мигрантов.

Изучение трех контекстов (семья, школа, работа) показывает, что в первых двух люди регулярно сталкиваются с интервенциями, препятствующими смешению групповых атрибутов «своих» и «чужих» (язык, внешний вид, поведение). Эти интервенции сопровождаются символическим, а иногда и физическим, насилием. Внутри мигрантских семей символическое насилие могло быть направлено на то, чтобы не допускать усвоения подвластными – прежде всего женщинами и детьми – атрибутов принадлежности к чужой группе. Кроме того, насилие может выступать средством для «очистки» их от уже усвоенных атрибутов. В мигрантских семьях контроль за речевыми практиками, отношениями, внешним видом препятствует культурной интеграции, затрудняя усвоение норм принимающей группы. В то же время такое давление «своих» может выталкивать молодых людей из мигрантской среды, побуждая их более тесно взаимодействовать с принимающей группой.

С символическим и физическим насилием, направленным на исключение смешения атрибутов мигрантской и местной групп, респонденты сталкивались в школах. В этом случае субъектами выступали представители принимающего сообщества (одноклассники и их родители, учителя). Они пытались заставить попавших в их среду мигрантов избавиться от атрибутов мигрантских культур через уничижительные комментарии, дискриминацию и, в экстремальных случаях, физическое насилие.

Символическое и физическое насилие в школах, выраженное в стигматизации «видимых отличий», толерантность к нему со стороны некоторых взрослых может затруднять формирование чувства принадлежности к принимающему сообществу. Насилие с его стороны может заставить мигранта изменить внешние атрибуты, что создает иллюзию включения в принимающее сообщество, однако это может стать причиной внутреннего конфликта, с последствиями которого он столкнется в дальнейшем. У людей возникает ощущение, что «быть местным» невозможно без отказа от себя, отказа от очень важных, формирующих их атрибутов:

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 1: Когда ты живешь в России, а ты нерусский, ты сам себя начинаешь буллить, что ты не такой, как все. Ты сам себя начинаешь выделять, что ты темный, а вокруг все светлые. Сами себя чувствуете некомфортно в любой неприятной ситуации, когда кто-то может вас оскорбить, вы сами начинаете до того, что, может быть, это потому, что я другой нации. Это касается чего угодно, любой сферы деятельности. Я замечал, что некоторые мои ребята, так скажем, на это не обращают внимания, они очень такие... Якобы, уверенные в себе ребята. Но в их речи можно тоже услышать, что они сами себя... [...] В их словах и каком-то пафосе можно услышать, что они сами себя ущемляют из-за того, что в России они сами не свои. Это касается только тех, кто тут прожил. [...] Если ты здесь начал – это все. Какой-то разлом, ты не понимаешь, кто ты.

Ориентированный на культурную интеграцию мигрант оказывается, таким образом, между двух давящих на него «нормальностей», требующих порой взаимоисключающих действий. Мигрантский круг требует отказа от языка или ограничения его использования, особых культурных, поведенческих и экономических практик, ассоциирующихся с принимающим сообществом, которое, в свою очередь, выдвигает схожие требования. Обе группы готовы поддерживать свои представления о нормальности с помощью насилия. В руках принимающего сообщества, впрочем, оказывается гораздо более впечатляющий арсенал, не в последнюю очередь благодаря государственной поддержке представлений о допустимости насилия в отношении мигрантов.

Это создает риск формирования внутренних конфликтов у объектов насилия, заставляя их корректировать поведение, скрывать неодобряемые атрибуты одной из групп. Особенно актуально это для женщин – представительниц второго поколения. Насилие стимулирует формирование адаптивных практик, таких как, например, мимикрия. Причем она может быть направленной одновременно на мигрантскую и принимающую группы: взаимодействуя с первой, респонденты стараются скрывать атрибуты второй, и наоборот.

Мигрантские группы учат детей не «вести себя как русские», принимающее сообщество отрицает внешний вид и культуру мигрантов. Фамилии, цвет кожи, акцент, сексуальное и экономическое поведение – все это может стать теми маркерами принадлежности к «чужакам», которые обе группы стремятся искоренить.

На рабочих местах мигранты сталкиваются с символическим и физическим насилием, принимающем в некоторых случаях структурные формы. Насилие на работе выражается в различных формах дискриминации: уничижительных комментариях, отказах при найме, обмане, более тяжелых условиях труда. Ситуации на рабочих местах демонстрируют, что стигматизация смешения групповых атрибутов, становясь частью социальных структур, легко превращается в инструмент эксплуатации. Практики принуждения, поборы, силовые акции низовой бюрократии, опирающиеся на представления об опасности и, одновременно, незащищенности мигранта, повышают для него издержки входа на рынок труда, делают заработок более нестабильным.

У более обеспеченных респондентов, не испытывающих необходимости работать в 3D-сферах, эти издержки могут быть ниже. Это позволяет предположить, что наличие социального и/или финансового капитала для мигранта может выступать своеобразным буфером, защищающим от насилия. Более состоятельные и квалифицированные приезжие могут обеспечить себе время, необходимое для бюрократических процедур в принимающей стране, что несколько повышает их защищенность перед бюрократией. Финансовая стабильность, образование и профессиональная квалификация снижают необходимость заниматься низкооплачиваемым трудом на рынках и стройках.

Таким образом, насилие можно назвать очень важной частью контекста, в котором происходит интеграция мигрантов, что мы могли наблюдать на примере мигрантов из Центральной Азии и Закавказья в Сибири. Символическое насилие с двух сторон, необходимость соответствовать взаимоисключающим нормам «сво-

ей» и «чужой» группы, делает интеграцию процессом поиска баланса между идентичностью и манипуляциями с видимыми атрибутами групповой принадлежности. Процессом не столько включения, сколько маневрирования и избегания санкций.

Выходец из мигрантской среды оказывается вынужден либо ценой трудоемких и порой травмирующих действий выполнить требования обеих групп (что иногда попросту невозможно), либо полностью порвать с одной из них или обеими, переехав в третью страну. Вероятно, насилие может заставить объект избавиться от групповых атрибутов. Однако издержки, которые человек при этом понесет, цена, которую он заплатит за соответствие выдвигаемым критериям «нормальности», может в конце концов превысить полученные преимущества, что сделает бессмысленным дальнейшее пребывание приезжего в принимающей стране.

Вероятной причиной, по которой группы столь интенсивно пытаются избежать смешения культурных атрибутов, может заключаться в следующем. Мигранты из СНГ в России часто мыслятся как живущие на далекой периферии пространства, до сих пор по инерции воображаемого как «свое». Это лишает их магической привлекательности «чужака», о которой писал Георг Зиммель и которой наделяются «иностранцы» (Малахов и Симон 2017):

Мужчина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Ты это чувствуешь, ты это взглядом видишь, к сожалению. У всех есть такой, даже взгляд такой, презренный. [...] Я гулял с очень, очень русской по внешности девочкой. И она говорит, что вот, я вижу вот эти взгляды презренные. Им отвратительно видеть, что я с ней. Вот. [...] Узбек, таджик, армянин. [...] Сразу начинаются стереотипы, и это прям действует внутри общества, ты это чувствуешь. Во время знакомства ты можешь это увидеть. Как у человека, который был [к тебе расположен], потом услышал, там, узбек, таджик – и понял, что нет, ты ни фига не иностранец, ты вот этот, из этих. И прямо вот примерно так чувствуется.

Причиной избегания таких смешиваний в мигрантских группах могут быть схожие представления об «иерархии культур», которые встречаются в других постсоветских странах. Так, респондентка, приехавшая в Россию из Казахстана, рассказывала, что сталкивалась с ними на уроках истории:

Женщина, около 25 лет, Красноярск, проект 2: Потом [в Казахстане] у нас была учительница истории Казахстана, истории мира. [...] Она в принципе преподавала историю, основываясь на том, что русские там в советское время пришли... там всех там поубивали-убивали, всех позаставляли. [...] И сейчас, с наступлением независимости, в 1991 году, все-все встало на круги своя, что казахи встали на ноги... и поэтому ни русским, никому другим, ну, там не было конкретно русским, еще и узбеков она не любила, и так далее, по этому списку. И она считала, что вот все, и вам здесь нет места, вы езжайте в свою Россию. Такие слова я слышала от учителя истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые, Пьер. (1984) 1994. *Начала*. М.: Socio-Logos.
- Варшавер, Евгений. 2023. «Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности». *Вестник РУДН. Политология* 25(2):377–396.
- Варшавер, Евгений и Анна Рочева. 2016. «Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство». *Журнал исследований социальной политики* 14(3):315–330.
- Григорьева, Ксения. 2021. «Мигранты как “лица, подверженные идеологии терроризма”. Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции». *Журнал социологии и социальной антропологии* 24(3):58–85. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.4>.
- Дуглас, Мэри. (1966) 2000. *Чистота и опасность*. М.: Кучково поле.
- Дятлов, Виктор. 2008. «“И тогда мама взяла обрез. . .” Самосуд и отношение к “чужакам” в общественном мнении российской провинции 1990-х годов». *Вестник Евразии* 32(4):142–177.
- Кузьмин, Юрий. 2021. «Мигранты как потенциальная жертва преступлений: виктимологический аспект». *Oeconomia et Jus* 1:52–59. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-1-52-59>.
- Малахов, Владимир. 2000. «Скромное обаяние расизма». *Знамя* 6. <https://znamlit.ru/publication.php?id=1154>.
- Малахов, Владимир. 2007. *Понаехали тут. . . Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. М.: Новое литературное обозрение.
- Малахов, Владимир и Марк Симон. 2017. *Миграционная политика в условиях экономических турбулентностей: опыт Европейского союза и перспективы России*. М.: РАНХиГС.
- Мукомель, Владимир. 2013. «Ксенофобия как основа солидарности». *Вестник общественного мнения* 3–4(116):63–69.
- Мукомель, Владимир. 2017. «Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения». С. 146–196 в *Социальные факторы межэтнической напряженности в России*, под ред. Юлии Епихиной и Михаила Черныша. М.: ФНИСЦ РАН.
- Николаев, Владимир. 2010. «Человек маргинальный». *Вопросы социальной теории* 4:354–372.
- Реан, Артур и Мария Новикова. 2019. «Буллинг в среде старшеклассников в Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов». *Мир психологии* 1(97):165–177.
- Рикер, Поль. 1996. «Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права». *Вопросы философии* 4:27–36.
- Стрельникова, Анна. 2010. «Вторичные данные как информационный ресурс: специфика и порядок работы». *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»* 8:30–43.
- Тимошкин, Дмитрий. 2023. «Национализм, чистота и опасность: “Cross-Border Intimacy” в российских цифровых медиа». *Социологическое обозрение* 22(2):154–178. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-154-178>.
- Шнирельман, Виктор. 2008. «Мигрантофобия и “культурный расизм”». *Ab Imperio* 2:287–323.
- Штейнберг, Илья, Теодор Шанин, Евгений Ковалев и Алексей Левинсон, ред. 2009. *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб.: Алетейя.
- Brabant, Louise, Stéphanie Lapierre, Dominique Damant, Mireille Dubé-Quenum, Geneviève Lessard, and Christine Fournier. 2015. “Immigrant Children: Their Experience of Violence at School and Community in Host Country.” *Children & Society* 30(3):241–251.
- Bryman, Alan. 2004. *Social Research Methods*. New York: Oxford University Press.
- Dyson, Lily. 2007. “The Lives of Recent Chinese Immigrant Children in Canadian Society: Values, Aspirations, and Social Experiences.” *Canadian Ethnic Studies Journal* 37(2):49–66.
- Esser, Hartmut. 2004. “Does the ‘New’ Immigration Require a ‘New’ Theory of Intergenerational Integration?” *International Migration Review* 38(3):1126–1159.

- Faret, Laurent. 2020. "Migration of Violence, Violence in Migration: The Vulnerabilities of Central American Populations Going North." *Revue européenne des migrations internationales* 36(1). <https://doi.org/10.4000/remi.16958>.
- Fiske, Susan T. 1993. "Social Cognition and Social Perception." *Annual Review of Psychology* 44:155–194.
- Flam, Helena, and Brigitte Beauzamy. 2011. *Symbolic Violence*. Liverpool, UK: Liverpool University Press.
- Galtung, Johan. 1969. "Violence, Peace, and Peace Research." *Journal of Peace Research* 6(3):167–191.
- Häkli, Jouni. 2015. "Symbolic Violence in Border Crossing—A Bodily Geopolitics." *Nordia Geographical Publications* 44(4):75–80.
- Hammersley, Martyn. 2010. "Can We Re-Use Qualitative Data via Secondary Analysis? Notes on Some Terminological and Substantive Issues." *Sociological Research Online* 15(1):47–53.
- Heaton, Janet. 2004. *Reworking Qualitative Data*. London: Sage.
- Heckmann, Friedrich. 2005. *Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study*. Bamberg, Germany: Europäisches Forum für Migrationsstudien (efms), Universität Bamberg.
- Hily, Marie-Antoinette, and Christian Poirer. 2020. "Editorial: Situations of Violence and Migration." *Revue européenne des migrations internationales* 36(1):20–35. <https://doi.org/10.4000/remi.14312>.
- Hourani, Jeanine, Yara Jarallah, Karen Block, Lisa Murray, Jialing Chen, Maria Hach, and Cathy Vaughan. 2022. "How Structural and Symbolic Violence During Resettlement Impacts the Social and Mental Wellbeing of Forced Migrant Women: The Lived Experiences of Arabic Speaking Survivors of IPV Resettled in Melbourne, Australia." *Conflict and Health* 16(55):1–9. <https://doi.org/10.1186/s13031-022-00494-6>.
- Jureidini, Raymond. 2005. "Migrant Workers and Xenophobia in the Middle East." Pp. 48–71 in *Racism and Public Policy*, edited by Yusuf Bangura and Rodolfo Stavenhagen. London: Palgrave Macmillan.
- Kretsedemas, Philip, Jorge Capetillo-Ponce, and Glenn Jacobs, eds. 2013. *Migrant Marginality: A Transnational Perspective*. New York: Routledge.
- Lippi-Green, Rosina. 2012. *English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States*. New York: Routledge.
- Menjívar, Cecilia, and Leisy Abrego. 2022. "Legal Violence: Immigration Law and the Lives of Central American Immigrants." *American Journal of Sociology* 117(5):1380–1421. <https://doi.org/10.1086/663575>.
- Montesanti, Stephanie, and Wilfreda Thurston. 2015. "Mapping the Role of Structural and Interpersonal Violence in the Lives of Women: Implications for Public Health Interventions and Policy." *BMC Women's Health* 15(100). <https://doi.org/10.1186/s12905-015-0256-4>.
- Ruggiano, Nicole, and Erin Perry. 2019. "Conducting Secondary Analysis of Qualitative Data: Should We, Can We, and How?" *Qualitative Social Work* 18(1):81–97. <https://doi.org/10.1177/1473325017700701>.
- Taguieff, Pierre-André. 1990. "The New Cultural Racism in France." *Telos* 83:109–122.
- Tan, Sze Eng, and Katie Kushminder. 2022. "Migrant Experiences of Sexual and Gender Based Violence: A Critical Interpretative Synthesis." *Globalization and Health* 18(1). <https://doi.org/10.1186/s12992-022-00860-2>.
- Tate, Judith, and Mary Happ. 2018. "Qualitative Secondary Analysis: A Case Exemplar." *Journal of Pediatric Health Care* 32(3):308–312. <https://doi.org/10.1016/j.pedhc.2017.09.007>.
- Wimmer, Andreas. 2013. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.

SYMBOLIC VIOLENCE AS A FACTOR IN THE INTEGRATION OF TRANSBOUNDARY MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA AND THE SOUTH CAUCASUS INTO SIBERIAN CITIES

Dmitry Timoshkin

Dmitry Timoshkin, Faculty of Sociology and Anthropology, Thammasat University, Thailand; Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Siberian Federal University, Russia. DOTimoshkin@sfu-kras.ru.

This article examines violence experienced by transborder migrants in Siberia and analyzes its impact on the integration of newcomers and individuals from migrant backgrounds. The study draws on interviews conducted between 2019 and 2024 in Irkutsk, Krasnoyarsk, and Tomsk with migrants from South Caucasus and Central Asia. It advances hypotheses on how different forms of violence shape migrants' quality of life and integration trajectories. Violence most frequently emerges in three contexts: the family, the workplace, and school. Respondents referred primarily to symbolic violence; accordingly, the analysis focuses on this form of violence. In all three contexts, violence is often rooted in a shared belief—present in both migrant and local communities—that the mixing of group attributes (language, appearance, behavior) is unacceptable. Such mixing is perceived as a violation of the natural order. Violence, predominantly symbolic and more rarely physical, accompanies interventions aimed either at compelling individuals to abandon the attributes of the “other” group or at excluding them altogether. Second-generation migrants occupy the most vulnerable position, as they face pressures from both sides simultaneously. This is particularly pronounced for women, who often hold a lower status in migrant communities' hierarchies. Violence generally functions as a barrier to integration in Russia, though its effects are sometimes ambiguous. Intragroup violence may push second-generation migrants toward closer engagement with the host society, while simultaneously increasing the social and emotional costs of adopting its norms. Violence from the host society may generate a persistent sense of alienation, potentially leading to emigration.

Keywords: Integration; Cross-Border Migrants; Individuals from Migrant Backgrounds; Symbolic Violence; Siberian Cities; Russia

REFERENCES

- Bourdieu, Pierre. (1984) 1994. *Nachala*. Moscow: Socio-Logos.
- Brabant, Louise, Stéphanie Lapierre, Dominique Damant, Mireille Dubé-Quenum, Geneviève Lessard, and Christine Fournier. 2015. “Immigrant Children: Their Experience of Violence at School and Community in Host Country.” *Children & Society* 30(3):241–251.
- Bryman, Alan. 2004. *Social Research Methods*. New York: Oxford University Press.
- Diatlov, Viktor. 2008. “‘I togda mama vziala obrez. . .’: Samosud i otnoshenie k ‘chuzhakam’ v obshchestvennom mnenii rossiiskoi provintsii 1990-kh godov.” *Vestnik Evrazii* 32(4):142–177.

- Douglas, Mary. (1966) 2000. *Chistota i opasnost'*. Moscow: Kuchkovo pole.
- Dyson, Lily. 2007. "The Lives of Recent Chinese Immigrant Children in Canadian Society: Values, Aspirations, and Social Experiences." *Canadian Ethnic Studies Journal* 37(2):49–66.
- Esser, Hartmut. 2004. "Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration?" *International Migration Review* 38(3):1126–1159.
- Faret, Laurent. 2020. "Migration of Violence, Violence in Migration: The Vulnerabilities of Central American Populations Going North." *Revue européenne des migrations internationales* 36(1). <https://doi.org/10.4000/remi.16958>.
- Fiske, Susan T. 1993. "Social Cognition and Social Perception." *Annual Review of Psychology* 44:155–194.
- Flam, Helena, and Brigitte Beauzamy. 2011. *Symbolic Violence*. Liverpool, UK: Liverpool University Press.
- Galtung, Johan. 1969. "Violence, Peace, and Peace Research." *Journal of Peace Research* 6(3):167–191.
- Grigor'eva, Kseniia. 2021. "Migranty kak 'litsa, podverzhennye ideologii terrorizma': Institutsional'nyi analiz rossiiskogo keisa sek'iurizatsii migratsii." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 24(3):58–85. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.4>.
- Häkli, Jouni. 2015. "Symbolic Violence in Border Crossing—A Bodily Geopolitics." *Nordia Geographical Publications* 44(4):75–80.
- Hammersley, Martyn. 2010. "Can We Re-Use Qualitative Data via Secondary Analysis? Notes on Some Terminological and Substantive Issues." *Sociological Research Online* 15(1):47–53.
- Heaton, Janet. 2004. *Reworking Qualitative Data*. London: Sage.
- Heckmann, Friedrich. 2005. *Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study*. Bamberg, Germany: Europäisches Forum für Migrationsstudien (efms), Universität Bamberg.
- Hily, Marie-Antoinette, and Christian Poirer. 2020. "Editorial: Situations of Violence and Migration." *Revue européenne des migrations internationales* 36(1):20–35. <https://doi.org/10.4000/remi.14312>.
- Hourani, Jeanine, Yara Jarallah, Karen Block, Lisa Murray, Jialing Chen, Maria Hach, and Cathy Vaughan. 2022. "How Structural and Symbolic Violence During Resettlement Impacts the Social and Mental Wellbeing of Forced Migrant Women: The Lived Experiences of Arabic Speaking Survivors of IPV Resettled in Melbourne, Australia." *Conflict and Health* 16(55):1–9. <https://doi.org/10.1186/s13031-022-00494-6>.
- Jureidini, Raymond. 2005. "Migrant Workers and Xenophobia in the Middle East." Pp. 48–71 in *Racism and Public Policy*, edited by Yusuf Bangura and Rodolfo Stavenhagen. London: Palgrave Macmillan.
- Kretsedemas, Philip, Jorge Capetillo-Ponce, and Glenn Jacobs, eds. 2013. *Migrant Marginality: A Transnational Perspective*. New York: Routledge.
- Kuz'min, Iurii. 2021. "Migranty kak potentsial'naia zhertva prestuplenii: Viktimologicheskii aspekt." *Oeconomia et Jus* 1:52–59. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-1-52-59>.
- Lippi-Green, Rosina. 2012. *English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States*. New York: Routledge.
- Malakhov, Vladimir. 2000. "Skromnoe obaianie razizma." *Znamia* 6. <https://znamlit.ru/publication.php?id=1154>.
- Malakhov, Vladimir. 2007. *Ponaekhali tut. . . Ocherki o natsionalizme, razizme i kul'turnom pliuralizme*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Malakhov, Vladimir, and Mark Simon. 2017. *Migratsionnaia politika v usloviakh ekonomicheskikh turbulentnostei: Opyt Evropeiskogo soiuza i perspektivy Rossii*. Moscow: RANKhiGS.
- Menjívar, Cecilia, and Leisy Abrego. 2022. "Legal Violence: Immigration Law and the Lives of Central American Immigrants." *American Journal of Sociology* 117(5):1380–1421. <https://doi.org/10.1086/663575>.
- Montesanti, Stephanie, and Wilfreda Thurston. 2015. "Mapping the Role of Structural and Interpersonal Violence in the Lives of Women: Implications for Public Health Interventions and Policy." *BMC Women's Health* 15(100). <https://doi.org/10.1186/s12905-015-0256-4>.

- Mukomel, Vladimir. 2013. "Ksenofobiia kak osnova solidarnosti." *Vestnik obshchestvennogo mneniia* 3–4(116):63–69.
- Mukomel, Vladimir. 2017. "Ksenofobiia: Etnofobii i migrantofobii prinimaiushchego naseleniia." Pp. 146–196 in *Sotsial'nye faktory mezhetnicheskoi napriazhennosti v Rossii*, edited by Julia Epikhina and Mikhail Chernysh. Moscow: FNISs RAN.
- Nikolaev, Vladimir. 2010. "Chelovek marginal'nyi." *Voprosy sotsial'noi teorii* 4:354–372.
- Rean, Arthur, and Maria Novikova. 2019. "Bulling v srede starsheklassnikov v Rossiiskoi Federatsii: Rasprostranennost' i vliianie sotsioekonomicheskikh faktorov." *Mir psikhologii* 1(97):165–177.
- Ricœur, Paul. 1996. "Torzhestvo iazyka nad nasiliem: Germenevticheskii podkhod k filosofii prava." *Voprosy filosofii* 4:27–36.
- Ruggiano, Nicole, and Erin Perry. 2019. "Conducting Secondary Analysis of Qualitative Data: Should We, Can We, and How?" *Qualitative Social Work* 18(1):81–97. <https://doi.org/10.1177/1473325017700701>.
- Shnirelman, Victor. 2008. "Migrantofobiia i 'kul'turnyi rasizm.'" *Ab Imperio* 2:287–323.
- Shteinberg, Il'ia, Teodor Shanin, Evgenii Kovalev, and Aleksei Levinson, eds. 2009. *Kachestvennye metody: Polevye sotsiologicheskie issledovaniia*. Saint Petersburg, Russia: Aleteiia.
- Strelnikova, Anna. 2010. "Vtorichnye dannye kak informatsionnyi resurs: Spetsifika i poriadok raboty." *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiia. Sotsiologiia. Iskustvovedenie"* 8:30–43.
- Taguieff, Pierre-André. 1990. "The New Cultural Racism in France." *Telos* 83:109–122.
- Tan, Sze Eng, and Katie Kushminder. 2022. "Migrant Experiences of Sexual and Gender Based Violence: A Critical Interpretative Synthesis." *Globalization and Health* 18(1). <https://doi.org/10.1186/s12992-022-00860-2>.
- Tate, Judith, and Mary Happ. 2018. "Qualitative Secondary Analysis: A Case Exemplar." *Journal of Pediatric Health Care* 32(3):308–312. <https://doi.org/10.1016/j.pedhc.2017.09.007>.
- Timoshkin, Dmitry. 2023. "Natsionalizm, chistota i opasnost': 'Cross-Border Intimacy' v rossiiskikh tsifrovyykh media." *Sotsiologicheskoe obozrenie* 22(2):154–178. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-154-178>.
- Varshaver, Evgeni. 2023. "Integratsiia migrantov cherez prizmu konstruktivistskogo podkhoda k etnichnosti." *Vestnik RUDN. Politologiia* 25(2):377–396.
- Varshaver, Evgeni, and Anna Rocheva. 2016. "Integratsiia migrantov: Chto eto i kakuiu rol' v ee osushchestvlenii mozhnet igrat' gosudarstvo." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 14(3):315–330.
- Wimmer, Andreas. 2013. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.